

© 1991 г.

Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л.

ОТРАЖЕНИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЛАБИОВЕЛЯРНЫХ
В ДРЕВНЕМАКЕДОНСКОМ

Указанная в заглавии проблема важна не только для уточнения отношений между древнемакедонским и греческим, но и в не меньшей мере для хронологии важнейшей изоглоссы, разделившей собственно греческие диалекты, обособив их эолийскую ветвь. Как известно, последняя тяготеет к замещению лабиовелярных губными во всех позициях, тогда как ионийские, дорийские и аркадо-кипрские диалекты по-особому трактуют позицию перед [e], [i], отражая в ней фонемы данной серии в виде зубных: ср. беот. Βελφοί = ион.-дор. Δελφοί < и.-е. *g^uelbh- «матка, плод», др.-инд. garbha (название по форме местности), также лесб. βελφίς = δελφίς «дельфин»; ион. τέσσαρες, дор. τέτορες, но беот. πέτταρες, лесб. πέσσαρες < и.-е. *k^uetṛ- «четыре»; ион., дор., арк. πέντε, но лесб., беот., πέμπτε < и.-е. *penk^ue «пять» и т. д. [1, с. 300; 2, с. 62]. Отклонения от этой тенденции типа местоимения τίς < *k^uis «кто» в диалектах эолийской ветви объясняются диалектным наложением при миграциях племен (дорийские элементы в Фессалии и Беотии, ионийское влияние на Лесбосе) и наддиалектными культурными влияниями, в том числе заимствованиями лексем в составе культовых, юридических, поэтических формул [3, с. 29—38].

Дешифровка линейного письма В и благодаря ей открытие серии лабиовелярных в микенском койне XV—XIII вв. до н. э. породили две гипотезы, по-разному объясняющие с учетом новых материалов эту изоглоссу. Согласно одной, очень популярной, гипотезе, микенское койне в данном аспекте отражает общегреческое состояние своей эпохи, а развитие лабиовелярных в губные и зубные произошло в разных диалектах в последующие века [4, с. 186; 5, с. 317]. Оспаривая этот взгляд, И. М. Тронский подчеркивал малую вероятность независимого осуществления столь своеобразного перехода, как дентализация лабиовелярных в западногреческих и ионийских диалектах, в историческое время далеко территориально отстоящих друг от друга. По его мнению, дентализация отражает древнейшую группировку греческих диалектов, выказывая особую близость праионийцев, прадорийцев и прааркадо-киприотов на их северногреческой родине и сравнительную удаленность от них праэолийцев. Лабиализация же трактуется как процесс более поздний и тривиальный, независимо прошедший в разных диалектных ветвях, устранивший лабиовелярные во всех позициях, где они сохранились [3, с. 29—31].

При решении спора хотелось бы обратить внимание на свидетельства древнемакедонского языка, который на протогреческом уровне должен рассматриваться как ближайший родственник греческого и исторический ареал распространения которого совпал с частью той территории, где в конце III тыс. до н. э. локализовалась родина протогреческих и протомакедонских племен [6, с. 272 и сл.]. Среди архаичных черт древнемакедон-

ского особенно важно звонкое произношение этимологических придыхательных: из обширного материала, собранного в монографиях [7, 8], ср. такие пары, как греч. *θάνατος* = др.-мак. *δάνος* «смерть», греч. *αἰθήρ* = др.-мак. *ἀδῆ* «небо», греч. *θώραξ* = др.-мак. *δῶραξ* «панцирь» и т. д. Особенно показательны примеры, когда в древнемакедонском в явных заимствованиях из греческого, например, *κεφαλή* = греч. *κεφαλή* или личное имя *Βίλιππος* = греч. *Φίλιππος*, звонкие стоят на месте греческих глухих придыхательных. Отсюда видно, что в македонском скорее имеет место еще не слияние звонких и придыхательных в один ряд, как в иранских, балтийских или славянских языках, но сохранение архаичной серии звонких придыхательных, вроде тех, что представлены в древнеиндийском и убедительно восстанавливаются для общендоиранского, а также для древнеармянского состояния [9, с. 336—337; 10, с. 46—56; ср. 11, с. 287; 12, с. 26; 13, с. 22]. Как выясняется, показания этого языка проливают новый свет и на трактовку индоевропейских лабиовелярных в раннегреческих диалектах.

Отражение в древнемакедонском фонем данной серии перед [o], [a] в в абсолютном конце слова видно из следующих, хорошо известных примеров:

1. *Bora* — название цепи гор (Liv. 45, 29 и др.) < и.-е. *g^uora*, слав. *gora*, др.-инд. *giriḥ*, авест. *gairi-* и т. д., сюда же греч. *βορέας* «северный, т. е. горный ветер» [14, с. 794; 12, с. 29]. Попытка Г. Краэ [15, с. 97] отнести этот ороним в собственно македонском ареале (северо-западнее центров Македонии, Пеллы и Эдессы) к иллирийским неубедительна (ср. [16, с. 185]).

2. Для глоссы (Suid.) *νίβα...χίονα καὶ κρήνη ἐν Θράκη* «снег (вин. п.) и источник во Фракии» (также у Гесихия, но без атрибуции), македонское происхождение устанавливается по местному названию *Νίβας* вблизи Фессалоник. Соотношение значений «снег» и «источник» толкуется двояко; либо через совпадение, фонетическое или графическое, двух основ — и.-е. **sneig^uh-* «снег», гом. *νίβα* (вин. п.), лат. *nix, nivis*, слав. *sněgъ* и и.-е. **neig^u* = «мыть», греч. *χέρ-νιψ*, = *νίβος*, «вода для омовения рук», др.-инд. *nēnēkti* «моет, дождит», др.-ирл. *nigid* «моет» [12, с. 29], либо через синкретизм значений **sneig^uh-* «снег и влага» [7, с. 37], ср. др.-ирл. *snigid* «каплет, дождит», др.-инд. *snihyati* «мокнет, липнет» при праkrit. *sineha*, др.-инд. **sneha* «снег» [17, с. 974]. От принятия той или иной трактовки зависит, видеть ли в данной глоссе отражение как **g^uh*, так и **g^u* или только **g^uh*.

3. Глоссу (Hes.) *βαβρήν-ύπόστασις ἐλαίου κατὰ Μακεδόνας* «осадок масла» О. Хофман связал с греч. *βάπτω* «макать» < **g^uābhjo-*, др.-исл. *kvefja* тж. [7, с. 73]. Правда, для глоссы предлагались и другие сближения: то с нидерл. *bagger* «ил, тина» < **bhāg^uh-ro-* [18, с. 151], то с индоевропейским обозначением бурого цвета, отраженным в др.-инд. *babhruh* «бурый», др.-в.-нем. *brun* тж., возможно, словен. *břn* «грязь, нечистоты» и т. д. [12, с. 26]. Можно бы вспомнить и такие Lallwörter ономотопейного типа тарент. *βαβύας, βόρβωρος, πηλός* «грязь, ил» (Hes., ср. Et. Magn.) или укр. диал. *баба* «трясина», слав. *babrati se* «возиться в грязи» [19, 1, с. 107, 112], с чем В. Махек сравнивает хет.-лув. *raprāḥḥ-* «осквернять» [20, с. 21]. И все-таки этимология Хофмана имеет важное преимущество перед всеми прочими. Среди ряда возможных, но семантически приближительных объяснений — это единственное, мотивирующее в индоевро-

пейском контексте генезис именно данного, специфического значения слова. Если другие этимологии исходят из общих значений «темный цвет» или «грязь», лишь приблизительно покрывающих семантику древнемакедонской глоссы, то рефлексы и.-е. **g^u-ēbh-* (с одной стороны, др.-инд. *gambha* «глубина», др.-исл. *kaf* «глубь моря», с другой — исл. *kvap* «студень»), швед. диал. *kvabb* «жирная гуща», н.-нем. *quabbeln* «дрожать от жира») четко обнаруживают исходное единство у этого корня «болотных» значений «глубины» и вместе с тем «густой, маслянистой жидкости». Такое единство, имплицитно представленное в др.-англ. *cvabbe* «болото», в перифрастически развернутой форме выражено в др.-мак. βαβρήν < **g^u-ābhran-* «масло на дне». Утверждение [12, с. 26], будто корень **g^u-ābh-* не знает расширителя *-r*, ошибочно, ср. др.-инд. *gambhāra-* «глубина», *gabhīrā-* «глубокий», авест. *jafra-* тж., далее балтийские местные и речные названия: лтш. *Gabris, Gabrani*, литов. *Gabrini*, дак. гидроним *Gabranus* и проч. [17, с. 466; 21, с. 127]. Др.-мак. βαβρήν < **g^u-ābhrān-*, с прямыми семантическими и словообразовательными аналогами как в индоиранском, так и в древнеевропейском ареале, выглядит очень глубоким индоевропейским архаизмом по сравнению с греч. βαφή < **g^u-ābhā-*, семантической новацией, означающей «цвет ткани, обмокнутой в краситель» (яркая средиземноморская реалья).

4. К отражению сочетания *-k^u*, часто совпадающего в «кентумных» языках с рефлексами *k^u*, интересны попытки членения имени одного из военачальников Александра Великого Ἐπόκιλλος на *-κίλλος* ~ греч. κίλλος «серый» < и.-е. *k^uei*, др.-инд. *siti* «белый», слав. *sěřъ* «серый» и Ἐπο- < **ek^u-yo-* «конь», др.-инд. *āśva* (см. [22, с. 120; 17, с. 302]). Указанные авторы склонны усматривать в Ἐπο- иллирийскую или иную адстратную форму, но к этому лексическому реликту можно подойти иначе. Сама аномальность продолжения и.-е. **ek^u-yo-* в греч. ἵππος, диал. ἰκκος (Et. Magn), мик. *i-ko*, с их неустойчивым придыханием, сужением [e] > [i] и колебанием *-kx-*/*-k^u*-, вместо ожидаемого греч. **ἔπ(π)ος* [5, с. 289], справедливо наводящая тех же исследователей на мысль об иноязычном, заимствованном характере термина для «коня» в греческом, притягивает внимание к др.-мак. **eros* как идеально совпадающему с гипотетической «правильной» греческой формой названия коня. Здесь можно предположить протогреческий архаизм, прямо восходящий к и.-е. **ek^u-yo-* и вытесненный в исторических греческих диалектах некой ареальной заимствованной формой из **(h)ik^u-yo-* (но ср. ЭН Ἐπειοί в Элиде, мифич. **Epeios*, имя создателя Троянского коня, возможные реликты исконной протогреческой формы). К редкой структуре Ἐπό-κίλλος («определяемое + определение») ср. греч. ἵπποκόταμος, букв. «лошадь реки» или хет. *pittar-palhi* «крылоширокий» (о птице).

Примеры на отражение в древнемакедонском лабиовеларных перед гласными переднего ряда (к сожалению, зафиксированы лишь рефлексy в позиции перед [e]) были выделены и рассмотрены В. Пизани в работе [23]. Но поскольку позднее [24, с. 24] этот ученый сам гиперкритически оспорил данные примеры, они нуждаются в тщательной перепроверке.

5. Предполагается, что τελεσιάς, название военного танца у македонцев (Athen, 14, 629d, 630a), также τελεσιάμετα ξίφος ὄρχησις (Hes.) «танец между мечей» восходит к **k^u-eles-ja* «круговая пляска», ср. греч. τέλος «завершение» < **k^u-eles* «круг», далее греч. κόλος < **k^u-olos* «ось, круговой путь», эол. πέλω «вращать» < **k^u-el-*, слав. *kolo*, род. пад. *koles_e*

и т. д. [23, с. 30; 25, с. 241; 13, с. 22]. Резерв достоверности данной этимологии, помимо параллели в болг., сербохорв. *коло* «вид танца», представляет выделенное еще В. Томашеком отражение и.-е. *k^uolo-* «круг» в серии семантически эквивалентных др.-мак. *τελεσιάς* культурных терминов, идущих из фракийского ареала: *κολαβρισμός* (по Athen. 14, 629d, Poll. IV, 100) «фракийский танец, исполнявшийся в полном вооружении», также *κόλαβρος* «вид песен» (Athen. 4, 164e), *κολᾶ* (или *κολᾶα*) «εἰδώς ὀρχήσεως ὁ καὶ ξιφισμός» (Hes. «вид пляски, он же танец мечей» (= *τελεσιᾶ·μετὰ ξίφους ὀρχαίς*), там же вариант *κολία* «вид танца» [26, II, 1, с. 14; 27, с. 251]. Единство реалии, стоящей за др.-мак. *τελεσιᾶ* и фрак. *κολᾶ*, *κολία*, *κολαβρισμός*, позволяет восстановить для ранней эпохи фрако-македонских контактов не только сам обычай круговой пляски вооруженных мужчин-воинов как компонент обеих культур, проникнутых духом военной демократии, но и паронимию, созвучие взаимопонятных для протомакедонцев и протофракийцев терминов, обозначавших этот обычай у обоих народов: протомак. **k^ueles-ia*, протофрак. **k^uol-ia*, *k^uol-eia* (при мета ранней конвергенции культурных терминологий северобалканских этносов). Очень важно, что речь идет об одной из древнемакедонских форм, как *ἄλιζα·ἡ λεύκη τῶν δένδρων. Μακεδόνες* (Hes.) < и.-е. **olisa* слав. *olъza* и т. д. [17, с. 302], местное название *Εδέσσα*, совр. болг. *Воден*, < **Wedés-ia*, т. е. «Водная» [25, с. 24], сохранивших, в отличие от греческого, интервокальное *-s-*. Эти лексемы определенно не являются поздними греческими проникновениями в язык древних македонцев, но исконно принадлежат этому языку. Таковой же, несмотря на созвучие и родство с греч. *τέλος*, мы должны считать и форму *τελεσιάς*.

6. Среди греческих продолжений и.-е. **g^urædhro-/ *g^ueradhro-* «жерло, отверстие» — *βάραθρον* «расселина, пучина», гом.-эол. *βέρεθρον* тж. с дентализованным соответствием в *δέρεθρον·λίμνη ἀποχώρησιν ἔχουσα* (Hes.) «болото со стоком», сюда же цаконское местное название *Дэреџе* (см. [1, с. 295]), — арк. *ζέρεθρον* (по Strab. VIII, 389) трактуется многими диалектологами-эллинистами как глубокий архаизм, отражение промежуточной аффрикативной стадии палатализации лабиовелярных до их перехода в зубные: общегреч. **g^uerethro-* > ***dzerethro-* (= арк. *ζέρεθρον*) > *δέρεθρον* (см. [28, с. 329, 411; 2, с. 62; 3, с. 30]). Аффрикатизация и спирантизация индоевропейских лабиовелярных перед «светлыми» гласными в аркадо-кипрском прослеживается очень четко: ср. кипр. *si-se* = *τίς* «кто» < **k^uis*, арк. *ὄζις* = *ὄστις* «всякий» < **ios-k^uis*, глосса *ζέλλειν·βάλλειν* «кидать» (Hes.) < **g^uel-jo-*, при *βάλλω* < **g^ul-jo-*, также *τετρακάτιαι* «400» < **k^uetɣ-kɾti*. В этой же связи указывают и на употребляющийся в некоторых аркадских надписях VI—V вв. до н. э. особый знак σ (И) в словоформах *αις* = *τις*, *ὄσσο* = *ὄστις* (род. п. от *ὄστις*), *εἴσ* = ионич. *εἴτε* «или», где *τε* < и.-е. **k^ue* «и» [2, с. 18, 62]. Попытки усмотреть в этих случаях не архаизм, а, напротив, новшество, начинающуюся спирантизацию смычных в греческом [1, с. 301], недостоверны, поскольку этимологические зубные в аркадском не обнаруживают спирантизации: ср. употребление в одних и тех же надписях форм *εις*, *αις*, но *τότε*, *Γέτεα* [2, с. 196—198]. Ссылки же на формы *ἀποδεομίνος* = *ἀποδεδομένος* или *Ἀρασιδής* вм. *Ἀραδιδής* ничего не доказывают, так как в этих случаях мы имеем элементарную диссимиляцию, за которой не стоит никаких более общих тенденций данного диалекта. Поэтому в прослеживаемом по аркадским надписям чередовании аффрикативных отражений лабиовелярных с обычными

написаниями *τε, εἶτε, πέντε, τίς*, также *ἐοδέλλοντες* = *ἐσβάλλοντες* следует видеть развитие не смычных в спиранты, но, напротив, смягченных аффрикат в зубные, т. е. эволюцию аркадских говоров к тем же конечным рефлексам палатализованных **k^u, *g^u*, что и в ионийских и дорийских диалектах. По-видимому, аффрикаты на месте ионийско-дорийских зубных в самом аркадском выглядят архаичной, изживаемой фазой фонетического развития.

Возвращаясь к форме *ζέρεθρον*, отметим, что Евстафий, хорошо зная (909, 27) о страбоновской атрибуции этой формы в качестве аркадской, выражает в этом сомнение и в других местах подчеркнуто приводит ее как македонскую, ср. 695, 34 τὸ βέρεθρον ζέρεθρον Μακεδόνες φασὶ «расселину Македонцы называют ζέρεθρον» и далее в 1715, 38 τὸ δὲ βέρεθρον... κατὰ Μακεδόνας δὲ φασὶ καὶ ζέρεθρον λέγεται «а расселина...у македонцев, как говорят, называется ζέρεθρον». Очевидно, византийский эрудит настолько уверен в цитируемом источнике, характеризующем ζέρεθρον как македонизм, что игнорирует авторитет обычно высоко ценяемого им Страбона. Пренебрегать этими настоятельными указаниями Евстафия не приходится, особенно в свете известных македоно-аркадо-кипрских изоглосс [ср. др.-мак. -κιλλος (название масти коня в Ἐτό-κιλλος) и кипр. κιλλός, «осел», т. е. «серый», обозначение по масти и др.]. Написание ζέρεθρον вм. *ζέρεδρον не может быть основанием для сомнений в македонском характере слова, так как имеются и другие примеры, когда греки передавали древнемакедонские придыхательные фонемы буквами для глухих придыхательных ср., например, Θαῦλος ἸΑρης Μακεδόνιος (Hes.) «македонский Арес» < и.-е. *dhāu-lo- «душитель, волк», меон. Καυδαύλας, эпитет Гермеса (Hirponax, fr. 1), толкуемый как «Душитель Пса» или «Пес-Душитель», иллирийские местные названия Δαυλία, Δαυλίς, фриг. δᾶος «волк» (Hes.), фракийский этноним Δᾶοι, фессал. Ζεὺς Θαυλιος и т. д. [13, с. 23; 17, с. 235]. Колебания в греческих передачах этих македонских фонем (то через звонкие, то изредка через придыхательные) лишней раз говорят о необходимости реконструировать для этого языка особую серию звонких придыхательных и, принимая, в частности, ζέρεθρον за македоно-аркадскую изоглоссу (о чем правильно [8, с. 181]), предположить древнемакедонское звучание этого слова вроде *džeredhro-. Схождение древнемакедонского с аркадским диалектом греческого скорее всего должно выражать консервацию в обоих следов ранней фазы смягчения лабиовелярных перед гласными переднего ряда, дающей аффрикаты или палатальные смычные типа [t], [d].

7. Особняком стоит лексема *σιγύνη, σίγυνος, σιγύνιον* «железное копьё, дротик» генетически (по Hdt. V. 9; Arist. Poet. 21, 1457b) кипрская, а по словарю Суды, македонская (случай, полностью аналогичный двойкой, древнемакедонской и аркадской, атрибуции для ζέρεθρον). О. Хофман полагал этот термин заимствованным предками носителей кипрского диалекта на северной родине греков, отмечая его вытеснение с IV в. до н. э. в том же значении созвучной формой *σιβύνη*, лат. *sybina*, которая латинскими авторами считалась иллирийской (Enn., Ann. 504, Paul. Fest. p. 336 M) [7, с. 69].

О. Хаас обосновал древность варианта *sybina*, отраженного в арм. *suin* < *su-bin «копье», вероятно, раннем балканском заимствовании в протоармянский. Видя в формах *σιγύνη* и *sybina* различные отражения единого ареального термина, Хаас на основании глоссы (Hes.) *συ(μ)-βίνης·καπρόβολον ἐμβόλιον* «копье, поражающее кабанов» восстановил его прообраз в виде *su-g^uhenā «убивающий кабана». При этом он попытался

пересмотреть атрибуцию вариантов этого термина, считая $\sigma\iota\gamma\acute{o}\nu\eta$ с делабиализацией $*g^zh$ илиризмом, а форму *sybina* [с переходом — $*g^zh > b (h)$], явно иррадиировавшую из единого центра в греческие, иллирийские и армянские (через фригийцев?) диалекты, македонской. При этом глосса (Hes.) $\zeta\iota\phi\acute{o}\nu\iota\alpha\cdot\lambda\omicron\gamma\chi\iota\delta\iota\alpha\ \mu\iota\kappa\rho\acute{\alpha}$ «небольшие копыя» сопоставлялась с предпологаемым др.-мак. $*si\text{-}bhun\acute{a} < *su\text{-}bhin\acute{a}$ как своего рода «гипергречизм», отражающий наличие в прообразе звонкого придыхательного $*bh$ и субституирующий его через ф [ph] (подобно тому, как македонцы в греческих заимствованиях замещали ф на β [bh]) [18, с. 253].

Хотя детали объяснения вариантов этого термина, с явлениями ассимиляции и метатезы гласных, непрозрачны, структура исходного композита, вероятно, в самом деле, бытовавшего на греко-македонской родине, восстанавливается Хаасом очень правдоподобно. Но видеть в кипро-македонской изоглоссе илиризм нет необходимости: $\sigma\iota\gamma\acute{o}\nu\eta$ может быть возведено к $*su\text{-}g^{\text{h}}\text{-}hn\acute{a}$ (ср. авест. $\gamma\eta\text{a}$ «убийца» в композитах типа $\nu\acute{a}\rho\acute{\alpha}\theta\rho\alpha\text{-}\gamma\eta\text{a}$) с вокализацией лабиального элемента, как в греч. $\langle\gamma\upsilon\nu\acute{\eta}\rangle < *g^{\text{h}}\text{-}\acute{e}n\acute{a}$ «жена», и объяснено в качестве прамакедонского заимствования в прааркадо-кипрском. Вариант *sybina* мог бы объясняться из $*su\text{-}g^{\text{h}}\text{-}\acute{h}\acute{e}n\acute{a}$ с развитием [e] > [i] перед [n], которое имеем в $\iota\nu\delta\acute{\epsilon}\alpha\cdot\mu\epsilon\sigma\eta\mu\beta\rho\iota\alpha$. Μακεδόνες (Hes.) «полдень» ~ греч. $\acute{\epsilon}\nu\delta\iota\omicron\varsigma$ «полуденный» < $*en\text{-}d\acute{i}\acute{u}\acute{a}$ и в аркадо-кипрском (ср. в последнем предлог и префикс $\acute{i}\nu$ = греч. $\acute{\epsilon}\nu$; $-\mu\iota\upsilon\omicron\varsigma$, суффикс медиальных причастий = греч. $-\mu\epsilon\upsilon\omicron\varsigma$ и т. д. [2, с. 23]. Тогда дублетность $\sigma\iota\gamma\acute{o}\nu\eta / sybin\acute{a}$ свелась бы к соотношению бытовавших в парамакедонском ареале форм, восходящих к $*su\text{-}g^{\text{h}}\text{-}hn\acute{a} / *su\text{-}g^{\text{h}}\text{-}\acute{h}\acute{e}n\acute{a}$, а особое отражение $*g^zh$ как $b (h)$ перед переднеязычным, в отличие от дентализации в $\tau\acute{\epsilon}\lambda\epsilon\sigma\iota\acute{\alpha}\varsigma$, и, вероятно, $\zeta\acute{\epsilon}\rho\epsilon\theta\rho\omicron\nu$, объяснялось бы ассимилирующим влиянием предыдущего огубленного гласного [u].

Так вырисовывается судьба лабиовелярных в древнемакедонском после проработки предельно очевидных, лежащих на поверхности фактов. Попытка Кёддерича внести в эту картину особый, типологически уникальный переход $*g^zh > d$ во всех позициях [12, с. 30] малодоказательна. Нет оснований видеть в др.-мак. $\nu\acute{i}\beta\alpha$ «снег» адаптацию греч. $\nu\acute{i}\phi\alpha$, а не исконное слово. Отделение др.-мак. $\acute{\delta}\acute{\alpha}\nu\omicron\varsigma$ «смерть» от греч. $\theta\acute{\alpha}\nu\alpha\tau\omicron\varsigma$, др.-инд. $dhva\text{m}\acute{s}ati$ «умирает» и сближение с $*g^{\text{h}}\text{-}hen\text{-}$ «убивать» с опорой на глоссу (Hes.) $\delta\alpha\nu\acute{\omega}\nu\cdot\chi\alpha\chi\omicron\pi\omicron\iota\acute{\omega}\nu$, $\chi\tau\acute{\epsilon}\iota\nu\omega\nu$ «злодей, убийца» не убеждает; $\delta\alpha\nu\acute{\omega}\nu$ — это причастие, по смыслу идентичное греч. $\theta\alpha\nu\acute{\alpha}\tau\omicron\nu$ «умерщвляющий». Точно так же нет необходимости возводить др.-мак. $\delta\rho\acute{\alpha}\mu\iota\varsigma$ «вид хлеба», эпир. $\delta\rho\acute{\alpha}\mu\iota\zeta$ тж. (Athen. VI, 114b) к $*g^{\text{h}}\text{-}h\acute{r}mi\text{-}$ «приготовленный на огне», отрывая от синонимичного фесс. $\delta\acute{\alpha}\rho\alpha\tau\omicron\nu$, далее дельф. $\delta\alpha\rho\acute{\alpha}\tau\alpha\iota$ «хлеб, приготовляемый без дрожжей» [2, с. 242]. Все эти формы на самом деле восходят к $*d\acute{r}mi\text{-}$, $d\acute{r}\acute{\alpha}\text{-}to$ от корня $*der(\acute{\alpha})$ «разделять, рвать, дробить»; к проникновению дериватов этого корня в сферу гастрономической лексики ср., помимо др.-инд. $d\acute{u}rv\acute{a}$ < $*d\acute{r}\acute{\alpha}$ «просо», нидерл. $tarwe$ «пшеница» [17, с. 209], славянские примеры — русск. диал. $\delta\rho\acute{\alpha}\tau\eta\ \text{z}\acute{a}\text{c}ny$ «делать крупу», укр. диал. $\delta\rho\acute{\alpha}\tau\eta$ «перерабатывать зерно на крупу» [19, V, с. 218]. Кулинарные термины древней Македонии и Северной Греции обнаруживают наличие у греч. $\delta\acute{\epsilon}\rho\omega$ семантики, первоначально гораздо более широкой, чем исторически зафиксированное значение «обдирать кожу».

С отпадением гипотезы об особом развитии $*g^zh$ может показаться, что рефлекс лабиовелярных в древнемакедонском — лабиализация во всех позициях, кроме позиции перед [e] (и [i]?) где происходит смягчение и пе-

реход в палатальные смычные и/или аффрикаты, а затем в зубные смычные — точно соответствует эволюции, отделившей ионийские, дорийские и аркадо-кипрские диалекты от эолийских. Но существуют факты, которые, отклоняясь от этой схемы, уточняют наше понимание истории раннемакедонского консонантизма, — это до сих пор игнорировавшиеся примеры на делябиализацию этимологических *k^u-, g^u- перед [o].

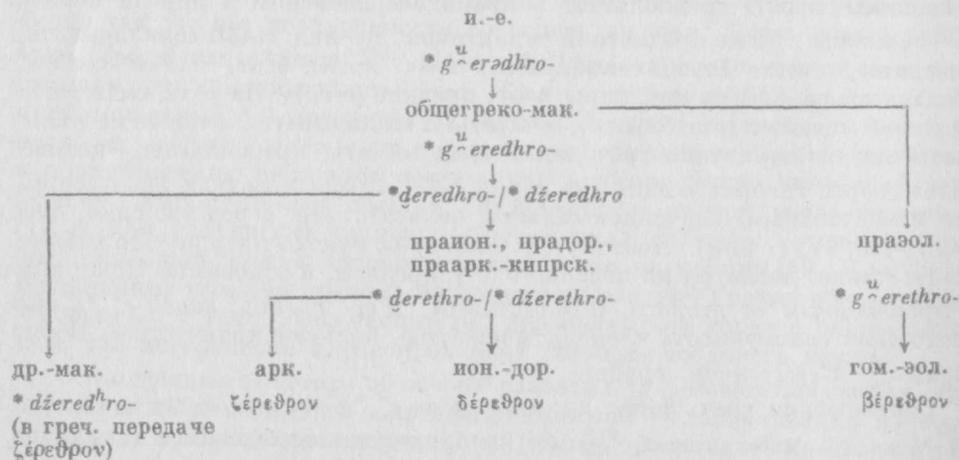
8. Глосса γοτάν ὄν Μακρόντες (Hes.) «свинью» (асс.) не имеет надежного объяснения, и попытки как-то подтянуть ее к греч. ὄς [7, с. 44; 8, с. 141] не обходятся без многочисленных натяжек вроде чтения ὄFáv < *suān(?) или гипотезы о «расширенной» форме *ῶ-τ-áv. Реальнее всего, кажется, возведение др.-мак. γοτά «свинья» к *g^uo-tā и, далее, сопоставление с греч. βοτόν < *g^uo-tó «пасомый скот», часто «овцы», литов. gūotas «стадо» типичными отглагольными именами, производными от греч. βόσκω < *g^uo(u)-sk-iō «пасу», литов. gujū < *g^uoɟiō тк. Хотя в основе этих глаголов и лежит имя *g^uoɟ «крупный рогатый скот» [17, с. 483], но очень рано они семантически отделяются от него, приобретая общее значение «пасти скот разных видов», представленное уже в мик. su-qa-ta ~ σβότης «свинопас», наряду с figura etymologica qa-u-qa-ta ~ βοβότης «волопас», позднее также ἵπλοβότης, οἰβότης «конский, овечий пастух» [5, с. 296]. На базе таких конструкций порождается форма *g^uotó-, букв. «пасомое», как общее обозначение скота, стада, которое, однако, в конкретных хозяйственных условиях способно становиться преимущественным определением отдельных видов скота, например, овец или, как в древнемакедонском, свиней. Впрочем, мик. su-qa-ta может быть свидетельством достаточной древности обозначения и в греческом ареале именно свиной эпитетами *g^uotó-, *g^uotā.

9. По Athen. X, 455d, македонцы τὸν ἀριθμὸν κοῖον προσαγορεύουσι «число именуют κοῖος», что О. Хофман сблизил со слав. čĭtr «считаю», čislo, литов. skaityti «считать», skaitlius «число» [7, с. 74]. По-видимому, эти формы действительно состоят в родстве, но более дальнем, чем думалось Хофману. В балто-славянских лексемах представлен корень *k^uei- «обращать внимание, оценивать», др.-инд. cinōti, cikēti, cētati «познавать, замечать», греч. τίω «почитать, ценить» и проч., сюда же слова со значением «цены, отплаты», авест. kaena, литов. kainá, слав. cĕna, греч. κοινή «возмещение» при τιμή «цена, почет» [17, с. 636 сл.]. С другой стороны, Покорный [17, с. 637 и сл.] предполагает в праиндоевропейском и другой корень *k^uei-, якобы с более предметной семантикой: др.-инд. cinōti «накладывать, собирать», авест. čayeiti «выбирать», греч. ποιέω, беот. ποιFέω «делать, создавать», слав. činъ «порядок, ранг, правило (ordo)». На деле, смежность значений «ценить» и «отбирать», «считать» и «складывать», а также ментальные аспекты семантики греч. ποιέω «выдумывать, предполагать, признавать» скорее говорят о единстве корня *k^uei- с базисным (как физическим, так и ментальным) значением «класть, полагать» (ср. о родстве слав. cĕna и činъ [19, IV, с. 114]). Поэтому др.-мак. κοῖος «число» находит ближайшее соответствие, несмотря на неясности с ударением, в относимом Покорным к производным от второго, «предметного» *k^uei- др.-инд. kayāh < *k^uoijós «тело (как совокупность членов), множество, большое количество», также cāyāh < *k^ueijós «куча, гряда».

Соотношение греч. βοτόν: др.-мак. γοτάν < *g^uoto-, ā- и греч. ποιέω < *k^uoi-ɟ-: др.-мак. κοῖος < *k^uoijós ясно отделяет македонские говоры от

греческих, где тенденция к делабиализации проявляется лишь спорадически в продолжениях местоименной основы $*k^u-o-/*k^u-i-$: фесс. $\chi\acute{\iota}\varsigma\text{-}\tau\acute{\iota}\varsigma < < *k^u-is$ «кто», ион. $\chi\acute{o}\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma = \pi\acute{o}\tau\epsilon\rho\omicron\varsigma < *k^u-otero-$ «который из двух», $\chi\acute{o}\varsigma$ вм. $\pi\acute{o}\varsigma$ «как-то», $(\acute{o})\chi\acute{o}\iota\omicron\varsigma$ «какой», $(\acute{o})\chi\acute{o}\varsigma\omicron\varsigma$ «сколь многочисленный» вм. $(\acute{o})\pi\acute{o}\iota\omicron\varsigma$, $(\acute{o})\pi\acute{o}\varsigma\omicron\varsigma$ [2, с. 63; 24, с. 24].

Каким бы образом ни объяснять это явление в древнемакедонском — например, исходя из смешения в нем [ō] и [ū], видимого по глоссам (Hes.) $\gamma\acute{o}\delta\alpha$ ἐντερα. Μακεδόνες «внутренности» = др.-инд. *gudāh* «кишки», ἀβλόη σπέυδε. Μακεδόνες «возлей» = греч. ἀπόβλυε и проч., можно допустить распространение на позицию перед [ō] греческой делабиализации лабиовелярных перед [ū] как в ἐλαχός «легкий» при ἐλαφρός тж. $< *l\eta g^u h$ литов. *leñgvas* и т. д. — принципиальную важность имеет то обстоятельство, что в формах *Borá*, Ἐπόκιλλος мы в той же позиции наблюдаем совершенно иное развитие. Отсюда ясно видно сохранение в раннемакедонском в положении не перед светлыми гласными лабиовелярных, преобразование которых происходило по-разному уже в отдельных древнемакедонских говорах. В то же время процесс палатализации этих фонем перед гласными переднего ряда и последующего их перехода в зубные объединил этот язык с массивом греческих диалектов, противостоящих по этому признаку эолийской ветви. Из этого видно, что дентализация, как и предполагала гипотеза Тронского, могла быть намного древнее перехода в губные. Потому, думается, положение в микенском койне не обязано представлять общегреческого состояния 2-й половины II тыс. до н. э. Палатализация лабиовелярных и развитие их в зубные есть изоглосса, рассекающая не просто греческую, но греко-македонскую протодиалектную общность. Трудно доказать, что это явление не может быть древнее, скажем, оглушения придыхательных, обозначившего четкую грань между македонскими и греческими диалектами. В таком случае уже на рубеже III—II тыс. в греко-македонском ареале могли выделиться два типа диалектов: условно, диалекты располагающие серией фонемных сочетаний [k^uo], [k^ua], [k^ue], и, с другой стороны, диалекты с серией сочетаний [k^uo], [k^ua], [t/če], где [t/č] представляет тип фонем, аффрикат или палатальных смычных, развивающихся в ионийских и дорийских диалектах в зубные смычные. Речь должна идти не только о ранней дорийско-македонской общности, как о том говорится в работах [6, с. 272; 29, passim], но о тесных кон-

тактах прамакедонцев в эпоху, предшествовавшую движению основной массы греков к югу, с носителями праионийских, прадорийских и прааркадо-кипрских диалектов, от которых уже должны были отделиться праэолийцы. Эволюцию диалектов, входивших в греко-македонскую общность, можно для наглядности представить на примере рефлексов и.-е. *g^ueradhro- «жерло» (см. с. 50).

Таким образом, ясно обозначается место древнемакедонского в индоевропейской языковой семье. Как язык, судя по реконструкции, знавший в начале II тыс. до н. э. ряд фонемных сочетаний /k^uo/, [k^ua], /t̥/če/, он должен быть объединен с греческими диалектами, противостоящими праэолийским, а затем — и опирающимся на последние в трактовке лабиовелярных микенским койне. И. Тронский совершенно правильно доказывал, что обособленность эолийских диалектов по данному признаку противоречит гипотезе В. Порцига и Э. Риша [30, 31] о существовании во II тыс. до н. э. единой «северной» диалектной группы, будто бы лишь вторично разделившейся на дорийскую и эолийскую ветви. Против такой гипотезы говорят и иные факты, приводимые этим ученым, прежде всего наличие в дорийском глагольных форм, восходящих к иным индоевропейским вариантам, чем соответствующие формы прочих греческих диалектов, включая эолийские: ср. окончание 1-го л. мн. ч. актива — дор.-μεν при ион., арк.-кипр., эол.-μεν, дорийское будущее время типа δωσέω, структурно аналогичное др.-инд. *dāsyāti*, литов. *dūosiū* и т. д. [3, с. 32 и сл.]. Думается, серия выявленных Порцигом и Ришем дорийско-эолийских сходжений должна отражать определенный этап в истории раннегреческих племен, а именно — время соседства ранних эолийцев и дорийцев на севере Греции после ухода на юг носителей аркадо-кипрского и ионийских диалектов, но, возможно, раньше продвижения на Пелопоннес той части эолийцев, которая внесла вклад в формирование микенского койне. Так древнемакедонские данные позволяют уточнить картину раннего членения греческой диалектной общности.

Случаи делабиализации в древнемакедонском сейчас особенно важны в связи с прогрессом в изучении фригийского языка. Выход в свет эпиграфически безупречного «Корпуса старофригийских надписей» К. Брикса и М. Лежена [32] подтвердил обоснованную в работах В. Георгиева, О. Хааса, К. Брикса, а теперь разделяемую Г. Нойманом, И. М. Дьяконовым, Л. А. Гиндиным, Л. С. Баюм и В. Э. Орлом и другими авторами концепцию особой лексической, словообразовательной и морфологической близости фригийского к греческому [33, с. 160; 34, 18, с. 236; 35; 36; 37, с. 376; 43, с. 157; 38; 39]. О параллелизме фонетических процессов в этих языках см. [40]. В настоящее время вполне отчетливо вырисовывается картина тесного соседства носителей прагреческих, прамакедонских и прафригийских диалектов в период после отделения этих племен от региона, где осуществлялись их контакты с праиндоиранцами (позиция праармянского в этом регионе еще нуждается в уточнении). Поэтому признаки делабиализации лабиовелярных в древнемакедонском весьма показательны: они сближают этот язык именно с фригийским, где делабиализация охватывает не только местоимения и энклитики, как в греческих диалектах (фриг. *kos* < и.-е. *k^uos «кто», фриг. *ke* < и.-е. k^ue — присоединительная энклитика), но и полнозначные слова, каково местное название Γέρμα < и.-е. *g^uhermo- «теплый» [определение хлеба (*bekos*) в формулах проклятия *tidregroun* < *dis-dhreg^uh-ro- «несъедобный», ср. греч. τρέφω «питаю» и т. д.]. Не исключено, что делабиализацию в некоторых древне-

македонских говорах следует рассматривать как процесс, индуцированный раннефригийским влиянием и охвативший в этих говорах те позиции, где лабиовелярные еще существовали, т. е. не перед светлыми гласными. Тогда этот процесс следует датировать эпохой древнемакедоно-фригийских контактов на севере Балкан после обособления македонского от греческих диалектов, с которыми он разделил палатализацию лабиовелярных. Есть все основания полагать, что индоевропейские диалекты, давшие начало древнемакедонскому, греческому и фригийскому, составляли на протогреческом уровне единую языковую ветвь, как об этом уже писал один из авторов настоящей статьи [13, с. 157].

Тем самым мы возвращаемся на новом этапе к формулировке, выдвинутой В. Георгиевым в 1971 г.: «Фригийский, македонский и греческий происходят из одного общего языка, который существовал, вероятно, в V—IV тыс. до н. э.» [41, с. 167], и склонны датировать конец этой эпохи примерно серединой III тыс. до н. э.

В связи с изложенным выглядит явным недоразумением высказывание В. Э. Орла, будто бы существование греко-македонско-фригийской группы представляет его и Л. С. Баюн открытие [42, с. 187]. Тщательный просмотр публикаций этих авторов не обнаруживает утверждения о подобном статусе древнемакедонского. В данных работах, включая итоговую [39], речь идет лишь о большой близости фригийского к греческому, кстати, без различения генетических и ареальных схождений, (ср. [36]) и без упоминания предшественников — Хааса, Дьяконова и особенно Георгиева, в последний раз обосновавшего тезис о ближайшем греко-фригийском языковом родстве в 1985 г. [34] на материале того же «Корпуса» Брикса и Лежена, которым пользовались в своих интерпретациях Баюн и Орел. Во всяком случае, очевидно, что генетическая характеристика древнемакедонского не исчерпывается его местом в рамках греко-македонской общности. Как язык с частичной делабиализацией лабиовелярных, он получает для II тыс. до н. э. переходное место между греческим и фригийским, а в качестве языка, сохранявшего с III тыс. до н. э. звонкость придыхательных (в этом отношении фригийские данные еще требуют изучения), он может восходить к диалекту, занимавшему в ранний период промежуточное положение между прагреческими и праиндоиранскими, а вероятно, и праармянскими диалектами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Schwyzler E.* Griechische Grammatik. Bd 1. München, 1939.
2. *Buck C. D.* The Greek dialects. Chicago; London, 1968.
3. *Троцкий И. М.* Вопросы языкового развития в античном обществе. Л., 1973.
4. *Bartoněk A.* Vývoj konsonantického systému v řeckých dialektch. Praha, 1961.
5. *Lejeune M.* Mémoires de philologie mycénienne. I ser. P., 1958.
6. *Hammond N. G. L.* A history of Macedonia. V. I. Oxford, 1972.
7. *Hofmann O.* Die Makedonen, ihre Sprache und ihr Volkstum. Göttingen, 1906.
8. *Kalleris J.* Les anciens Macédoniens. V. I. Athènes, 1954.
9. *Pedersen H.* Armenisch und die Nachbarsprachen // KZ. 1904. XXXIX. Hf. 3.
10. *Benveniste E.* Sur la phonétique et la syntaxe de l'arménien classique // BSLP. 1959. 54. Fasc. 1.
11. *Kretschmer P.* Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896.
12. *Ködderitzsch R.* Frygisch, Päonisch, Makedonisch // Linguistique balkanique. 1989. XXVIII. 4.
13. *Гиндин Л. А.* К вопросу о статусе языка древних македонцев // Античная балканистика. М., 1977.
14. *Duridanov I.* Die älteren Bevölkerungsverhältnisse auf Grund der Toponymie // Actes du I-er Congrès international des études balkaniques et sud-est européennes. VI: Linguistique. Sofia. 1968.

15. *Krahe H.* Die Sprache der Illyrier. Tl I. Wiesbaden, 1955.
16. *Mayer A.* Die Sprache der alten Illyrier. Bd 2, Wien, 1959.
17. *Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd I. Bern; München, 1959.
18. *Haas O.* Die phrygischen Sprachdenkmäler. Sofia. 1966.
19. Этимологический словарь славянских языков. Пра斯拉вянский лексический фонд / Под ред. Трубачева О. Н. Вып. 1. М., 1974.
20. *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.
21. *Топоров В. Н.* Прусский язык. Словарь (Е—Н). М., 1979.
22. *Kretschmer P.* Nordische Lehnwörter in Altgriechischen // Glotta. 1934. XX.
23. *Pisani V.* La posizione linguistica del macedone // Révue internationale des études balkaniques. 1937. III.
24. *Pisani V.* Storia della lingua greca. V. 5. Torino, 1959.
25. *Георгиев В.* Траките и техният език. София, 1977.
26. *Tomaschek W.* Die alten Thraker. Wien, 1980.
27. *Deitschev D.* Die thrakischen Sprachreste. 2-te Aufl. Wien, 1976.
28. *Bechtel Fr.* Die griechischen Dialekte. Bd. I. B., 1921.
29. *Daskalakis A.* The Hellenism of the ancient Macedones. Thessaloniki, 1965.
30. *Porzig W.* Sprachgeographische Untersuchungen zu den altgriechischen Dialekten // IF. 1954, 61.
31. *Risch E.* Die Gliederung der griechischen Dialekte in neuer Sicht // Museum Helveticum. 1955. 12.
32. *Brixhe C., Lejeune M.* Corpus des inscriptions paléo-phrygiennes. V. 1—2, P., 1984.
33. *Georgiev V.* Introduction to the history of the Indo-European languages. Sofia, 1981.
34. *Georgiev V.* Le paléo-phrygien // Linguistique balkanique. 1985. XXVIII. 4.
35. *Brixhe C.* Études neophrygiennes. 1—3 // Verbum. 1978.I.1; 1979.II.2.
36. *Neumann G.* Phrygisch und Griechisch. Wien, 1988.
37. *Дьяконов И. М.* Фригийский язык // Древние языки Малой Азии. М., 1980.
38. *Баян Л. С., Орел В. Э.* // ВДИ. 1986. № 3. Рец. на кн.: Brixhe C., Lejeune M. Corpus des inscriptions paléo-phrygiennes.
39. *Баян Л. С., Орел В. Э.* Язык фригийских надписей как исторический источник. I—II // ВДИ. 1988. № 1, 4.
40. *Brixhe C.* Palatalisation en grec et en phrygien: problèmes phonétiques et graphiques // BSLP. 1982. 77. Fasc. 1.
41. *Georgiev V.* L'éthnogenèse de la peninsule Balkanique d'après les données linguistiques // L'éthnogenèse des peuples balkaniques. Plovdiv, 28—29 avril 1969. Sofia, 1971.
42. *Орел В. Э.* // ВДИ. 1990. № 1. Рец. на кн.: Античная балканистика. М., 1987.